

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ГОВОРЯЩИХ ИМЁН И ЗАГЛАВИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Mária Rev

Борис Андреевич Успенский в статье *Социальная жизнь русских фамилий* пишет: „Имя выступает как основная характеристика человека, как его идентифицирующий признак. В каких-то случаях имя способно даже заменить человека: это проявляется в таких противоположных сферах – они находятся на разных уровнях цивилизации и, казалось бы, не могут иметь друг с другом решительно ничего общего, – как магия и бюрократия. Магическое действие, направленное на человека, оперирует с его именем (в колдовстве, в гадании и т. п.); равным образом и бюрократическая документация имеет дело не с людьми, а с именами, и судьба человека может непосредственно зависеть от бюрократической процедуры; всё это способствует мистическому отношению к имени, которое ощущается и в наши дни” (Успенский 1994: II: 164). И Успенский обращается к повести Салтыкова-Щедрина *Противоречия*, где домашний учитель оказывается на хлебах „у некоего г. Вертоградова”, который „между нами будь сказано, происхождения не дворянского, как это достаточно показывает и фамилия его”; „*Вертоградов* – типичная «семинарская» фамилия, которая указывает на происхождение из духовной среды. Итак, подобно тому, как могут различаться дворянские и недворянские имена, могут различаться дворянские и недворянские фамилии” (*там же*, 166).

Фамилия героя одного из первых произведений Салтыкова-Щедрина обратила на себя внимание учёного. В связи с этим необходимо признать, что Салтыков-Щедрин, который в наше время снова вызывает большой интерес, относился с особенной заботой к подбору имён и фамилий своих героев. В странности фамилий, имеющих явное или опосредованное значение, скрывается дополнительная нагрузка, углубляющая смысл произведения. Эта остроумная выдумка особенно бросается в глаза в исторической хронике *История одного города*. Определённая игривость проявляется в чередовании обычных фамилий и говорящих имён, они усиливают ироническое, сатирическое звучание. Однако в

Истории одного города одно усиливает мифологический оттенок, а другое – может служить примером противоположного типа. В одной формулировке абстрактная конструкция, в другой – отражение сугубо вещного мира.

Эти моменты художественного произведения являются всегда самыми сложными в работе переводчика, ведь если оставить в переведённом тексте оригинальную фамилию, то примечания, сноски мешают целостному освоению художественной метафоры. Многие из переводчиков часто придерживаются этого способа передачи текста. Другие с большим остроумием стараются находить равноценный эквивалент.

Венгерские переводчики всегда выделялись своим энтузиазмом и стремлением дать венгерской читающей публике качественный перевод соответствующего уровня. Такую работу проделал Режё Хонти в своей передаче *Истории одного города* Салтыкова-Щедрина. Хонти знал целый ряд языков (французский, итальянский, испанский, арабский, персидский и русский). Человек глубоко начитанный, с широкими литературными сведениями, он не чуждался этого очень сложного, неоднозначного произведения. Он сумел сохранить уровень речи летописца, его обращения к читателю и рассказ о корне происхождения глупцов, ибо город назван Глуповым. И здесь переводчик обошёлся без примечания, хотя название города он сохранил соответственно русскому подлиннику. „Прибывши домой, головотяпы немедленно выбрали болотину и, заложив на ней город, назвали Глуповым, а себя по тому городу глуповцами” (Салтыков-Щедрин 1969: VIII: 275). По-венгерски: “Mihelyt megint otthon voltak a vaskobakok, kikerestek egy lápos helyet, ott várost alapítottak és elnevezték az *Ostobák Városának*, Glupovnak, magukat pedig a városról glupoviaknak” (Салтыков-Щедрин 1956: 23, *здесь и ниже курсив мой*, М. R.). В этом месте Р. Хонти обратил внимание на два главных момента книги, он перевёл слово *головотяп* довольно удачно и прибавил два слова на венгерском языке: Глупов он прямо назвал „Городом Глуповым”, это хорошо звучит, даже естественно, в венгерском тексте, и таким образом этим дополнением сразу даётся объяснение в самом тексте, не нарушая ритма его, без лишнего многословия.

Пожалуй, самым значительным достижением переводчика является перевод говорящих имён градоначальников, имеющих смысловую нагрузку. В „Описи градоначальникам в разное время в город Глупов от высшего начальства поставленным «1731-1826»” следуют друг за другом естественные фамилии, существование которых вполне возможно, наряду с вымышленными, созданными автором через тройную передачу от издателя, от последнего архивариуса-летописца и составителя на основе летописи-хроники. После Клементия, Ферапонтова следовал Великанов. Этот последний получил на венгерском языке фамилию *Gigászij*, это решение является почти калькой, но в венгерском тексте звучит очень хорошо, и углубляет иронию, подчёркивая мнимое величие этого лица. Безусловно заслуживает внимание перевод Брудастого на *Torzonborszki*. Это даже не перевод, а удачное название, которое действительно остроумно, тем более если иметь в виду дальнейшую характеристику: „Назначен был впопыхах и имел в голове некоторое особое устройство, за что и прозван был «Органчиком»” (Салтыков-Щедрин 1969: VIII: 278). По-венгерски: “*Valami egészen különös szerkezet volt a fejében, ami miatt Verkli-nek nevezték*” (Салтыков-Щедрин 1956: 28). Эта характеристика автора возбуждает интерес читателя и в дальнейшем ведёт к описанию фантастических последствий в поведении градоначальника и глуповцев.

Стоит выделить из списка градоначальников ещё Двоекурова, который в венгерском варианте назван *Tuukovszki*, корень близок к русскому подлиннику. Сходное решение – перевод имени градоначальника Бородавкина на *Bibirsov*, или Негодяева на *Zsivanov*, затем майор Прыщ – *Ragyásov*, который оказался с фаршированной головой – “*felfedezték, hogy hurkatöltelék van a fejében*”. Грустилов в венгерском издании стал *Busulkin*, Угрюм-Бурчеев, бывший прохвост, который разрушил старый город и построил другой на новом месте, стал по-венгерски *Zordon-Morcov*, и Перехват-Залихватский – *Zebre-Dugovits*. И. С. Тургенев считал *Историю одного города* Салтыкова сатирой свифтовского масштаба, содержащей серьёзный и жестокий юмор (Тургенев 1956: XI: 201, 203). Эти решения Режé Хонти облегчают чтение на венгерском языке, тем более когда

речь идёт о сложном, заставляющем читателя думать произведении, и на основе этого делать соответствующие выводы, входить в круг этих размышлений здесь нет места и времени, да и тематика нашего симпозиума иная. Мне хочется добавить только, что этим способом переложения фамилий и имён на язык перевода, пользуются не очень часто. Например, в драмах А. Островского (Глумов, Кукушкина, Жадов и т. д.) и А. Сухова-Кобылина (Расплюев, Тарелкин, Живец) имеются такие говорящие имена, которые однако остались в своей оригинальной форме и в венгерских изданиях. В английском варианте издания *Истории одного города*, крупный английский специалист также предпочёл сохранить русские фамилии и указать на их значение (Салтыков-Щедрин 1977). Возвращаясь к идеям Успенского, можно сделать вывод, что Салтыков-Щедрин, создавая фамилии своих сатирических персонажей, знал материал сказок и мифов. Однако его имена базируются не на общеизвестных мифах, а как бы являются исходной точкой для создания новых сказок и мифов.

В этом отношении интересно отметить, что при переводе определённые фамилии могут получать дополнительное значение. Например, в *Лошадиной фамилии* Чехова Овсов (по-венгерски *Zabos*) имеет и скрытое значение: досадно. Из этого вытекает, что венгерский вариант *явно* высказывает то, что в русском тексте звучит только скрытно. Говоря об этом рассказе Чехова, можно ещё добавить, что и Жужа Раб, и Янош Эльберт переводили фамилии совершенно по-разному, но оба варианта равноценны.

Следует обратить внимание ещё на заглавия нескольких рассказов Чехова. Например, *Счастье* Чехова имеет двойное значение на венгерском языке: во-первых – *szerencse* – посчастливилось кому-то, во-вторых – состояние полного высшего удовлетворения – *boldogság*. Рассказ на венгерском языке получил заглавие *Szerencse*, а такое заглавие больше выделяет благополучие, а не духовное удовлетворение. И это заглавие сужает внутреннее пульсирование идей в рассказе. Наверное, это слово по характеру своему такое же, как *любовь*, где оттеняются два значения в русском слове: *szeretet* и *szerelem*.

Стоит ещё бегло рассмотреть историю перевода заглавия рассказа *Попрыгунья*. Сам Чехов с трудом искал подхо-

дящее слово для заглавия и менял его несколько раз. В конце концов он остановился на заглавии *Попрыгунья*. Впервые в 1900 г. перевели „колеблющаяся тростинка” – *Ingó nádszál*, затем, в 1903г., „гнётся как тростинка” – *Hajlik, mint a nádszál*. Промелькало даже заглавие „кузнечик” – *Szöcske* в 1925 г. Так как она женщина, по-русски даже лучше „стрекоза”. Это название, наверно, отражает реминисценцию басен Лафонтена или Крылова. Здесь следует добавить, что переводчиком этого заглавия был тот же Режё Хонти, который позднее так остроумно перевёл *Историю одного города* Салтыкова-Щедрина.

Новые переводы *Попрыгуньи*, сделанные замечательной переводчицей Кларой Сёллэши, свидетельствуют о её сомнениях. В начале она назвала *A kikapós feleség* (Жена-изменница или Неверная жена), потом исправила на *A léha aszszony* – Ветренная женщина или Легкомысленная женщина. Эти заглавия слишком подчёркивают легкомыслие героини рассказа, и, пожалуй, следовало бы перевести очень просто, по выражению, выдуманному Чеховым, “Ugra-bugra”, ведь „Попрыгунья” для взрослой женщины звучит также некрасиво, как его венгерский эквивалент.

Можно было бы привести ещё много примеров, но это не укладывается в рамки настоящего доклада. Однако приведённые мною примеры наглядно показывают, что дело переводчика художественного произведения требует особенного таланта, знаний и немалого труда, он – результат очень сложного процесса, учитывающего своеобразие и языка оригинала, и языка перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- Салтыков-Щедрин, М. Е.
1956 *Egy város története*, ford.: R. Honti, Új Magyar Könyvkiadó, Budapest 1956.
1969 *История одного города. Собрание сочинений в двадцати томах*, Художественная литература, М. 1969.

- 1977 *Selected Satirical Writings*, ed.: I. P. Foote, Clarendon Press, Oxford 1977.
- Сёке, Д.
1988 „Анатомия и физиология” художественного перевода, “Hungaro-Slavica”, Akadémiai Kiadó, Budapest 1988: 229-233.
- Тургенев, И. С.
1956 *History of a Town [Istorija odnogo goroda]*, ed.: M. E. Saltykoff, St. Petersburg 1870; в: *Собрание сочинений в двенадцати томах*, ГИХЛ, М. 1956: 200-203.
- Успенский, Б. А.
1994 *Миф – имя – культура, Социальная жизнь русских фамилий*, в: *Избранные труды I-II*, ГНОЗИС, М. 1994.
- Чехов, А. П.
1900 *Ingó nádszál*, A Hét, Budapest 1900: XI: évf. 27/249, 28/250.
1903 *Hajlik, mint a nádszál. Csehov A. A bűn. Elbeszélések*, Magyar Hirlap kiadása, Budapest 1903.
1925 *A szöcske. Csehov, A fekete barát és egyéb elbeszélések, II*, ford.: R. Honti, Mépszava, Budapest 1925.
1974 *A léha asszony. Csehov, A 6-es számú kórterem*, ford.: K. Szöllősy, Magyar Helikon, Budapest 1974.
1974 *A lónevű. Csehov, Beszélgetések a kutyával*, ford.: Zs. Rab, Magyar Helikon, Budapest 1974.
1974 *Szerencse. Csehov, A szirán*, ford.: E. Devecseriné Guthi, Magyar Helikon, Budapest 1974.
1974-1983 *Лошадиная фамилия, Счастье, Попрыгунья*, в: *Собрание сочинений и писем в тридцати томах*, Наука, М. 1974-1983: IV, VI, VIII.

ABSTRACT

The article's author considers as her starting point B. A. Uspenskij's study *The Social Life of Russian Family Names*, according to which, at various levels of civilization, the name appeared as a mark of identification, reflecting the person's basic characteristics. Saltykov-Shchedrin paid special attention to the names of his characters, and this really helped determine their characterisation. The family names used by an author always pose the most complicated problems for the translator, and there is generally a conflict of viewpoints. According to some, it is not important to translate family names (it being sufficient to add notes), while others feel that the translation makes the literary work more understandable for the reading public.

In Rezső Honti's translation of *The History of the Town of Glupov* the Hungarian names given to the governors are extremely interesting and witty, making the Swift-sized satire, *The History of a Town*, easier to read. The study also refers to the Hungarian translation of the titles of Chekhov's short stories *Fortune* (or *Happiness*) and *The Grasshopper* (or *The Butterfly*). In the latter case the author shows, that despite the fact that the best Hungarian translators dealt with it, they did not succeed in finding the Hungarian equivalent. Perhaps Rezső Honti's 1925 translation is the most appropriate. The examples mentioned prove how much responsibility rests with the translator, how much knowledge, ability and ingenuity is required of him.